

Александр Моцар

Бим и Бом и другие клоуны

Днепропетровск

Ли́ра

2013

УДК 821.161.2
ББК 84 (4УКР)6-5
М 86

Моцар Александр

М 86 «Бим и Бом и другие клоуны : Стихи. – Д.: «Лира», 2013. – 84 с.
ISBN 978-966-383-470-2

Поэзия Александра Моцара разворачивает события в онлайн. Здесь и обыгрывания научных теорий, встречи в питейных заведениях, детские воспоминания, множество эксцентричных ситуаций.

Авторские комментарии - сплошная ирония, достигающая гротеска. Поэт продолжает футуристическую традицию, учитывая постмодернизм второй половины двадцатого века и нулевых годов.

УДК 821.161.2
ББК 84 (4УКР)

ISBN 978-966-383-470-2

© Моцар А., 2013
© «Лира», 2013

Андрей, Сергей, Саша – балаганные клоуны.
Клоунам по десять лет, они учатся в четвёртом классе.
У них одинаково, под полубокс, подстрижены головы.
Носы обыкновенные, не круглые и не красные.

Тем не менее учительница истории и учитель пения
Утверждают их принадлежность к цирковой касте.
Говорят они об этом с еле заметным оттенком презрения.
Полная тишина стоит при этом в классе.

Внезапно смехом взрывается аудитория –
Саша сказал, что если он клоун, то пусть обращаются к нему Бим или Бом.
Учитель пения возмущённо оглядывается на учительницу истории:
- Вы посмотрите на него! Ему же ещё и смешно!

На самом деле не смешно Саше.
Он знает, что дома ему предстоит неприятный разговор с родителями.
Родители обязательно сообщат о его поступке бабушке,
Которая гордится тем, что носит медаль заслуженного учителя.

Саша, конечно, любит бабушку и родителей,
Но в предчувствии того, что именно они его накажут,
Он непонятно зачем стремится, чтобы поступок перед ними выглядел
Как можно циничней и гаже.
Сумерки. Осень. Часы – сколько всего натикали.
Прошлым переполнено двухкомнатное пространство.
Саша сидит передо мной, словно отражение в зеркале.
Саша до сих пор никак не может в себе разобраться.

Наш район «Красный хутор»
Отличался от других районов
Неприятным запахом мазута
И топотом проходящих вагонов.

Окна дрожали с лязгом,
Словно ключей связка.
Район находился рядом
С железнодорожной развязкой.

Чаще порой осенней
Без какой-либо мотивации
Кто-нибудь время от времени
Не возвращался со станции.

В тамбуре тесном стоя,
Сигаретку раскурит
И нам помашет рукою
Или покажет дулю.

Позже пешком по улице
Они возвращались в город,
Как сказал один из вернувшихся, -
«Умирать на слоновую гору».

Время сквозь решето.
Жизнь – сплошные детали.
Но детство моё прошло
На горе, где слоны умирали.

Когда я учился в школе
В звании пионера,
У меня был друг Коля,
Его дразнили Центнером.

Меня тоже дразнили.
Мы комплексовали сильно.
Я – из-за фамилии,
Коля – потому что жирный.

Такие взаимоотношения
С нашими сверстниками
Сделали нас насмешливыми
И скандально известными.

В этом стерильном мире
Школьных рекреаций
С Колей нас не любили,
Трусливо звали паяцами.

Время хороший ластик,
Стирающий всё плохое.
На встречах одноклассников
И одноклассниц в школе

(На которые я не езжу,
Отговариваясь, что, мол, занят),
По словам Николая Сергеевича,
Часто нас вспоминают.

Вспоминают, как что-то светлое,
До святости невесомое,
Выходки безответные
Пяцев закомплексованных.

Александр Моцар **Бим и Бом и другие клоуны**

Оле Заровнятных

Саша разобрал жука на двенадцать частей.
Последовательно от тела отделены были:
Голова,
Лапы,
Надкрылья и крылья.

Среди детей
У Саши плохая репутация.
С ним не хотят играть.
Его откровенно побаиваются.
Саше обидно,
Но всем своим видом
Он показывает, что ему плевать.

В телефонном разговоре
Мама Саши говорит своей маме:
- С ним одно горе.

Саша застыл в коридоре,
Разобранный жук у него в кармане.

Становится душно.
Из влажной ладони
Жук сыпется маме под подушку.

Земель тридевять всего было,
 За ними начинались тридесятого царства кварталы жилые,
 Туда отправлялись мужчины в полном рассвете силы,
 Возвращались, как о них говорили, «брехуны пожилые».

Вернувшиеся рассказывали разные истории о своих походах.
 Им не верили, смеялись над их мытарствами,
 Но время от времени из города опять уходил кто-то
 За тридевять земель в тридесятое царство.

Туда вела всего одна тропинка,
 Она как раз проходила возле нашей пятиэтажки.
 Мы с братом с завистью смотрели уходящим в спины
 И возвращавшимся в глаза. Было немного страшно.

Было много такого, о чём можно рассказывать часами,
 Даже если тебе всё равно никто не верит.
 Город смыло девятым валом других воспоминаний.
 Передо мной пустой берег.

Ехал на велосипеде
Медведь Федя
По цирковой арене
Во втором отделении.

Это стихотворение
Сочинил мальчик Саша
На своём Дне рождения
И рассказал маме и бабушке.

Нашёл восемь строчек,
Записанные разным почерком –
Моим неуклюжим детским
И бабушкиным размашисто-резким.

Что-то наняла память,
В ночь пытаюсь взглядеться.
Встал, чтоб ещё дописать
Четыре строчки о детстве.

Знакомьтесь,
Это Бим.
У него большое горе:
У него умерла тетушка
Марья Ивановна.
На лице Бима от слёз расплылся грим,
Отчего он стал похож на гаера балаганного.

В наследство Бим получил чемодан,
Набитый битком.
Друг Бима, Бом
Предполагает, что золотым песком.

Друзья решают открыть чемодан,
Того не зная,
Что там
Сидит собака злая.

При виде животного они бросаются наутёк,
Не догадываясь о тайне
Умершей тётки,
Почему она прятала пса вместо золота в чемодане.

Золото действительно некогда хранилось в нём,
Но тётушка его обменяла на собаку,
Потом
Села за письменный стол
И записала следующее на бумагу:
«Я уйду из этого мира,

Кровь в жилах застыла
При мысли о том,

Что мой единственный наследник Бим
Чемодан откроет.
С ним
Может случиться большое горе.

Дело в том, что собака эта – не собака вовсе
И я не её хозяйка,
В 1957 году она побывала в космосе,
Зовут её Лайка.

Что с ней там произошло –
Доподлинно неизвестно,
Всё
Засекретили, естественно.

Но её укус смертелен, как удар кастета,
Человек умирает, но затем возвращается...»
На этом
Записки обрываются.

Москва,
МКАД,
Ночь иллюминирована луною полной,
Бим и Бом, укушенные за зад,
Бегут
И превращаются в кровавых зомби.

У нее был классный череп,
Правильной формы, почти со всеми зубами.
На запястьях вились браслетами черви.
Она вся состояла из таких креативных деталей.

Мы выглядели не так шикарно.
Правда, у Яши бланж под глазом
Сиял гордо, как кокарда.
Да, еще Булкин был педерастом.

Нас объединяла одна идея,
А именно мистический реализм.
Мы запоем читали Мамлеева.
Это был сознательный, коллективный аутизм.

Уход в духовные катакомбы,
В мистику первого слова, в зрачок позднего Боттичелли.
Она вспыхнула перед нами атомной бомбой.
У нее был классный череп.

Булкин, вынув из ноздри палец,
Потухшим голосом объявил всем:
- Все, доигрались.
Готовимся к жёсткому БДСМ.

Жёстко получилось, по полной программе,
Жёстче, чем Напалм Дзз.
Мы даже подумали тогда с пацанами,
Что это и есть полный пиздец.

Через полгода, выйдя из дурки,
Мы разошлись в разные стороны.
Чтобы больше никогда не встречаться друг с другом.
Не люблю вспоминать эту историю.

Эта история произошла совсем недавно:
В подземке пл. Льва Толстого
Я познакомился с чернокожей американкой
Сарой Ивановой.

Это мне показалось забавным,
Спросил: «Вот из йо нейм, миссис?»
В ответ она меня послала на хуй,
Но, присмотревшись внимательно, предложила выпить.

Позднее, анализируя хронологию попойки,
Вспомнил немаловажную деталь, а именно:
Когда мы подходили к барной стойке,
Мне захотелось повеситься неожиданно.

Десятипудовая Клава, подавая пельмени,
Водку и стаканы,
Неожиданно спросила: - Вы не читали демонологию Ремми?
- Не читали.

Следует рассказать о Сариной биографии,
Вернее о том, почему она Иванова.
Всё просто: отец мелкий менеджер русской мафии,
Мать наркоторговка из Вашингтона.

Рассказывая о себе, я опустил детали –
Родился, женился и прочие бредни.
Сказал просто: мама анархия,
Папа стакан портвейна.

Нам славно в этом сортире сиделось,
Пока к нашему столику не подошла сволочь.
Я не успел послать его в промежность.
Пробила полночь.

Можно сказать, что я был поддатый,
Но, поверьте, я собственными глазами видел это:
С двенадцатым ударом часов сволочь обернулась бородастым
Поэтом.

Из глубины зала блеснуло стекло.
Приглядевшись, я вздрогнул невольно:
Строго и одиноко сидел за столом
Литературный критик, очкастый как кобра.

Когда за жизнь говорят с трехаршинным понтом
И простые вопросы объявляются вечными,
Тогда ад обретает нечёткие контуры
Литературного вечера.

Обалдев от словесной иллюминации,
От фразеологических вывихов и переломов, я вдруг
Вспомнил, как выходил из подобных ситуаций
Хома Брут.

- Свят круг, защити меня
От этих бесов, -
Шептал я, маркером круг чертя,
Голосом от страха треснувшим.

И в самом центре этого скандала
С взглядом стеклянным

Стояла бледная панночка Сара
В саване из дыма марихуаны.

- Витю. Витю. Приведите Витю.
Ступайте за Витей, – кричала она.
И первую мысль мою – Саня, не ссы! –
Перебила вторая – всё, хана.

И вот появился огромный чёрт
В грязной майке на волосатом теле –
Лауреат малой премии «Московский счёт»,
Шорт-лист «Андрея Белого».

Его глаза как лунные кратеры,
Названные именами литературных гениев.
Он сдержанно поблагодарил организаторов
И произнёс несколько стихотворений.

Он ритм отбивал копытом,
А в конце объявил грозно
И неожиданно:
- Выступает Александр Моцар.

И как только эта новость коснулась моего слуха,
Я в прострации полной
Вышел из спасительного круга...
Больше я ничего не помню.

Сразу после рекламной паузы
На экране появился лысый мужчина.
Он сообщил о появлении новой расы –
Детях-индиго.

Интуитивно не доверяя лысому,
Зашёл в Интернет.
О детях-индиго там много написано.
О взрослых-индиго ничего нет.

Эти дети, как рентген, насквозь всё видят,
Но часто обладают характером скверным.
Родителей своих ненавидят,
Потому что родители расово неполноценные.

Индиго обладают аурой особой,
Что-то среднее между тёмно-синей и фиолетовой.
И поэтому они считают, что всем остальным особам
Нужно жить в гетто.

Лысый бьёт тревогу,
Ставит ребром вопросы:
Десять-пятнадцать лет – это не много,
Скоро индиго станут взрослыми.

Что тогда? Закат или катарсис?
Сможет ли человечество выжить?
Не об этом ли пророчит Апокалипсис?
И лысого внимательно слушают коротко стриженные.

У них нервы – кремень.
Настроение – пятница.
Они вынимают из штанов ремень,
Чтобы поймать лысого и всыпать ему по заднице.

С телевизионного экрана
Без эмоций, вдумчиво
Говорит о странных
Явлениях, неизученных,

Которые наблюдают
Жители посёлка Горный
Хабаровского края
Ульяновского района.

На вопросы корреспондента
Отвечает плешивый,
Очень плохо одетый,
Сильно пьющий мужчина.

На лице тень испуга,
Робко тянет к воде
Узловатую руку
И показывает, где

Ничего не увидели
На поверхности озера.
Но корреспондент телезрителей
Озадачил вопросом:

Долго ли человечеству
Быть подопытным кроликом?
И внезапно исчез он
С племенным алкоголиком.

По озёрной воде
Титры лестничкой тянутся:
ТРК «ТНТ»
Год 2012.

Уходя, выключайте свет
И включайте, входя.
Это не просто бытовой совет –
Парадигма выживания в условиях бытия.

Вот кто-то вышел, а свет горит.
В результате
Поход его неуспешен, как поход князя Игоря.
А не лепо ли ны бяшет, братие,

Начяти старыми словесы трудных
Повестий о причинах этой неудачи.
Свет, оставшийся гореть на кухне
И в коридоре в придачу,

Изобличает вышедшего как хозяина нерачительного,
Которому всё равно, сколько счетчик наматывает.
Это подозрительно.
Интересно, где он работает и сколько зарабатывает?

Об этом дебатируют старушки на скамейках у дома
И на вынесенных из квартир потёртых стульчиках.
Раздаётся звонок в кабинете участкового,
Рекомендующий проверить этого «субчика».

Участковый, положив трубку на рычаги аппарата,
Достаёт из сейфа пистолет,
Устраивает засаду в парадном.
Парадное, шкаф,
Участковый, скелет...

В шкафу, кроме останков участкового
И сорока пяти пар глаз и ушей, обитает
Моль, питающаяся платьями новыми,
По имени Тая.

Она не знает, что на лестничной клетке
Сидит в засаде скелет.
Она просто соседка
Человека, который забыл выключить свет.

Человека, который в данную минуту уверенно
И мужественно
Подходит к своей двери
И начинает орать от ужаса

При виде сползающего с лестничной клетки
Скелета в истлевшей милицейской форме.
На крик влетает моль-соседка
И тоже начинает орать во всё горло,

Потому что останки милиционера
С глазами горящими, как лампочки, -
Зрелище не для слабонервных
Из отряда ночных бабочек.

Услышав крик, обнаруживает себя
Существо с сорока пятью парами глаз и ушей.
Оно сглатывает из недожёванной пищи кляп,
Почувствовав конвульсивные колебания жертв

В паутине, незримо раскинутой им на лестнице,
Запутанной, как кафкианский бред,

Где в предсмертной агонии бесятся
Скелет,
Моль,
И тот, кто забыл выключить свет.

Дальнейшее не для ушей
Человека даже с устойчивой психикой.
Есть ряд вещей,
Узнав о которых, можно стать заикой.

Поэтому я замолкаю,
Тупо глядя в стакан.
Выдохнув
Конвульсивно, портвейн глотаю,
Зная, что живу внутри девятиэтажного паука.

4-тый этаж. Квартира 16.
Коричневым дерматином обиты двери,
За которыми, причудливо варьируя интонации,
Беседуют спивающийся журналист и спившийся осколок империи.

Третью ночь они говорят о том,
Что Кант называл «категорическим императивом»,
Т.е. свободной волей творить добро
И справедливость.

Через стену слышно, что журналист
В своих аргументах как фокусник ловок.
Но постепенно он снова срывается на визг
И тогда его басовым матом кроет осколок.

Конечно, вы понимаете, что мне не спится.
Я слышу, как кто-то входит в 16-тую квартиру.
Судя по всему, это опять милиция.
Которая уводит спорщиков в осеннюю перспективу.

Где они застывают яркими мазками,
Как на дивных холстах Сезанна Поля.
В этом видении я засыпаю.
До того, как они вернуться с новой порцией алкоголя.

- Николая, – кричит на всю улицу Тимур. – Выходи.
Его нетвёрдый голос разоблачает сильное похмелье,
После буйно проведённых выходных.
На улице ночь с субботы на воскресенье.

- Он не выйдет, – отвечает жена Коли – Жанна. – Что за базар
Ты устроил? – но её перебивает голос Николая.
Я слышу, как за стеной у меня молнией вспыхнул скандал.
Короткий, но бурный, как ливень в мае.

Скандал постепенно стихает, но мне не спится.
Я мысленно вижу комнату Николая и Жанны.
Где к корешкам полного собрания сочинений Солженицына
Прислонена подписанная фотография Параджанова.

Семья преподавателей киевского филфака.
Несостоявшийся гений и бывшая красавица.
Николай когда-то подарил мне двухтомник Пастернака.
Жанне мои стихи не очень нравятся.

Я дружу с ними лет двадцать где-то.
Вероятно, поэтому сейчас совесть зудит ссадиной.
Будто я узнал о хороших людях то,
Что знать мне совсем не обязательно.

+33 в тени. Максим и Василий.
Пиво. Беседа неспешная.
Максим: «Дома меня изнасилюют
Тёща с женой. Образно, конечно».

Два часа назад он вышел за валидолом для тётчи.
Увидел Василия, своего друга,
Стоящего в тени дерева в одиночестве.
У него была пива литруха.

За следующим литром сходили вместе.
Снова нырнули под дерево, в тень.
Василий рассказал о предстоящем своем аресте,
«...убийство по неосторожности ...на прошлой неделе».

Максим предложил Василию скрыться.
«...хватит, устал от погони».
На ветку села некрасивая птица.
Как все в этом микрорайоне.

У него
Предынфарктное сердце,
Мятая пачка «Примы».
Он всегда далеко,
Он родом из детства,
Песни к которому написал Высоцкий Владимир.

Даже если в одной очереди
С ним стою в магазине, -
Он за мной и за водкой,
А я плачу за мартини, -
Он не узнаёт меня,
Буравит глазами толпу,
Как будто пытается кого-то найти
И, не найдя,
Уходит в темноту.

Ночи
У нас тёплые в апреле,
Я сплю с открытым окном
И слышу, как он поёт на балконе:
«...Кони,
Чуть помедленнее», -
Еле-еле
Ворочая языком.

Сон уходит.
Я смотрю на луну матовую.
Мне ни хорошо и ни плохо.
Неожиданно

Чувство одиночества накатывает
Такое же, как на картине «Стул Ван Гога».

- Не работает лифт,
Помогите спустить Павлика во двор, -
Мне говорит
Соседка, кивая на парализованного мужа,
смотрящего на меня в упор.

Куртку на плечи накинув,
Подымаю инвалидную коляску вместе
С его сыном –
Близоруким студентом, учащимся на математическом факультете.

- Спокойно, батя.
А в ответ несётся:
- Куда, блядь,
Не дрова, уроды, несёте!

Выноси
Нежнее, ставьте как хрусталь на полку.
Эй ты, подожди,
Держи пятёрку.

Отметь конец недели.
Сегодня, кажется, пятница... -
И только когда я комкаю в задний карман деньги,
Он успокаивается.

Смотрю, как он едет к ларьку с пивом дешёвым
Под первые раскаты грома.
Дождь стучит по его капюшону
Как комья земли по крышке гроба.

Умерла моя соседка Елена Александровна Гаврилова.
- Инфаркт, – констатировала врач скорой.
Люди об умершей говорили:
- Редкая сволочь!

Чтобы так оценить человека, нужны весомые причины.
И, в общем, понятно,
Почему известие об её скоропостижной кончине
Многими было воспринято более чем прохладно.

Но когда финальная точка, а не запятая,
Тогда задумываешься о смысле написанного,
а не о красоте почерка.
Смерть – самое высокое перед людьми оправдание.
Короче...

Коллеги по работе в заводской бухгалтерии,
Соседи, подруги детства и прочие знакомые
Пришли помянуть покойную в недорогой кафетерий
В соседнем доме.

Не было речей о золотом сердце,
Ангельском характере и прочих достоинствах покойников.
Немного посудачили о причине смерти,
Посочувствовали родственникам.

Когда все расходились,
Я подумал, шагая в свою конюшню девятиэтажную:
Как будто в чистое все переоделись,

30 Не вспоминая то, что, по сути, уже неважно.

Мы пришли на вечер памяти N.
N умер ровно год назад.
У тебя юбка гораздо выше колен,
У меня спиртным до завязки забит рюкзак.

Мы невнимательно слушаем выступления.
Перегнувшись через кресло, шепчу своей знакомой:
- Сейчас отстреляемся и двинем по направлению
К нам домой.

Здесь скучно и все говорят об N.
Странно говорят, как о покойнике.
Объявляют тебя, и ты рассказываешь со сцены
О моём друге – о своём предыдущем любовнике.

Лопнула лампочка от перебора ватт.
Твоё лицо, словно вуалью, покрылось тенью.
Ты вспоминаешь, как я позвонил тебе год назад,
Примерно в это же время.

Алёне Герасемюк

- 28. Солнце. День чудесный.
Сидим на кухне, говорим о Пушкине.
Я на табуретке, ты в полукресле.
На столе две чашки и ванильные сушки.

Больше говоришь ты, я немногословен.
Если о чём-то спрашиваешь – отвечаю не спеша.
Наш разговор прерывается на полуслове,
Как будто сломался грифель карандаша.

Мы с тобой оглядываемся на скрип паркета,
Испуганно затихаем, как детвора.
Ты чуть слышно шепчешь: «Интересно, кто это?
Может быть, ты дверь не закрыл вчера?»

Или, может быть, кто-то перепутал двери?»
Я выхожу в коридор, вооружившись черпаком,
Неожиданно натываюсь на учёного зверя,
Который ходит по цепи кругом.

- Это тот самый кот, – я вздрагиваю от твоего шёпота.
- Не выдумывай, – как можно спокойнее отвечаю тебе. –
Просто это... – не зная, что сказать тебе, я тру лоб рукой. –
Брысь, – говорю. И кот исчезает в темноте.

На этом месте в точку невольно превращается запятая.
Рассказ обрывается, и возмущённая ты
Мне говоришь: «Дубина!» – и я с тобой соглашаюсь
Кивком головы.

Курит вполоборота, но, не выкуривая и трети,
Выбрасывает окурки в бледный рассвет.
Говорит, что крышу у неё снесло. Врёт. Крыша её на месте.
Соломенная. Только перекрашенная в рыжий цвет.

Проявляется город, и уже видны
Проснувшиеся дома рабочей окраины.
Улавливая ритм дворничиховой метлы,
Читает вслух стихи своего бывшего парня.

Достав последнюю, мнёт пачку от сигарет.
Не найдя зажигалки, чиркает спичкой.
Глядя на нее, он не понимает, зачем ей экономический факультет,
На котором она упорно сдаёт экзамены на отлично.

Говорит ей об этом, но она молчит.
Задумчиво перебирая струны гитары.
Внезапно, спохватившись, посмотрев на часы,
Бросает: «Ладно, мне пора на пары».

Собирается быстро, без лишних слов.
Её лицо приобретает черты испуганного ребёнка.
Он ещё раз вдыхает запах её недорогих духов.
Сладкий, как запах гашиша в притонах Гонконга.

Я прихожу домой, ужинаю, включаю компьютер.
Читаю новости с монитора, зевая смотрю на часы и
Ложусь спать. Странно, мне опять снятся верблюды,
Пунктирной чертой идущие по пустыне.

Везущие на себе людей и другую ношу.
Непонятно, откуда они идут, из какого прошлого.
Морды, или что у них там, у верблюдов, похожи
На башмаки с оторванными подошвами.

Такие часто носят бродяги, верёвками их стягивая.
У верблюдов эти верёвки называются узда.
Но на этом не заканчивается сходство верблюдов с бродягами.
Впрочем, я не о бродягах сейчас вовсе, а о своих снах,

В которых верблюды каждую ночь по пустыне тащатся.
То по песчаным барханам, то по пальмовой роще.
Иногда, глядя на них, мне кажется,
Что я знаю об этих дромадерах гораздо больше.

Звонит будильник, перед глазами вспыхнуло яркое утро.
Я напрягаю память изо всех сил.
Мне показалось, что я, наконец, вспомнил как будто
Что-то важное. Но тут же забыл.

0.3.

...говорит:

- Посмотри стрелю на Север.
Серебристым песцом припорошены гривы деревьев.
Их ерошит грубой рукой по-отечески ветер,
И дрожит чешуёй серебра на течение ручья золотого Луна.
Пелена
Заметаает следы,
С прямого, как выстрел, пути,
уводящие
вбок.

- Ничего нет банальней, чем стихи о Луне, – скажешь ты.
- Посмотри на Восток.

Видишь, в бархатных складках пустыни идёт караван.
Словно кто-то провёл на песке пунктирную линию
Или овал человека, сидящего между верблюжьих горбов.
Человек размышляет о бренности сущего, мере земной и о том,
Что неплохо бы вечером прибыть-таки в Бухару.
Посмотреть на детей и на жён,
одарить всех подарками и, наконец, отдохнуть.
И, невольно задумавшись о смысле земного пути,
оглянувшись назад,
Он бросает свой взгляд, словно нищим монету, на Запад.

- Он бросает свой взгляд, словно нищим монету, –
повторяешь за мной.

Дочка западных варваров, выросшая под Москвой.
В русый волос, закутавши лик свой, как в паранджу,
Ты бросаешь спокойно, уверенно мне: – Я ухожу.
Ненадолго, так что не скучай и дожись,
я приеду со школьной подругой, -
На плече бронзовеет печать привезённого Юга.

Март сдох. Рассыпалась капель,
И грязные лохмотья снега
Отряхивал с себя апрель
Метлою дворника Салеха.

Он азиат, который мне
Показывал рукой на флюгер,
Предупреждая о грозе.
Я оглянулся. Словно Дюрер

Изобразил эту природу,
Последний перелом к весне
В слепящих взрывах кислорода,
В своей свирепой новизне.

Я вслушивался в звуки неба,
Пульсирующие, как звёзды.
Двенадцатый этюд Шопена
Был оркестрирован норд-остом.

Тяжёлые удары молний
Свинцовый горизонт ломали,
И тучи рыскали голодной
Серой стаей

Со злыми жёлтыми глазами,
Как завсегдатаи притонов.
Грошова луна казалась
Железной чешуёй дракона.

Салех, прищурясь, говорит:
- Что видишь? Пробуждение мира?
Из чешуи родится кит,
Млекопитающая рыба

С свирепым шрамом на лице.
Увидишь ты, что будет после:
И смерть на бледном жеребце,
И жизнь на белоснежном ослике,

Таком же белом, как сады
В идущем следом хрупком мае.
Он повторил: - Что видишь ты,
Запоминай.

– Я рисую облака в небе, –
Сказал мне один знакомый без тени иронии.
Он был в этом как-то по-детски уверен.
Я знал, что он работает истопником в крематории.

К губе прилипший уголёк «Примы».
Вторая бутылка портвейна – «за встречу».
Он смотрел на меня, я смотрел мимо.
Он ждал, что я на это отвечу.

Я промолчал, я ничего не ответил.
Разлил портвейн по пластиковым стаканам.
Он стряхнул на землю сигаретный пепел
И мрачно добавил:

– Знаешь, Саня, для меня крематория трубы
Как кисти в руках художника.
То, что я вместо красок использую трупы...
Короче, можешь считать это перформансом.

Через пару часов, сказав ему «пока»,
Я ехал домой, на свою территорию.
Я ехал и думал, рассматривая облака:
Хорошие художники работают в крематориях.

Первый вопрос, который приходит в голову,
Когда наблюдаешь за разговором глухонемых,
Как они говорят с переломом
даже одной руки?

Мысль дешёвая, дешевле хлеба
чёрного. Не об этом впрочем.
Сижу в кабаке. Пью водку. Слева
Две девчонки болтают молча.

Не повезло, подумал я кисло,
Давя окурочек в пепельнице.
И вдруг слышу совсем близко.
И это вдруг заставило меня оглядеться.

Нет, наверное, всё это приснилось мне,
Такое не может оказаться былью.
Короче, я попал туда, где
Люди говорят крыльями,

А не языком болтают чепуху всякую
От нечего делать до поздней ночи.
Я видел, как парень в любви объяснялся взмахами
Крыльев. Поверьте, это красиво очень.

Да что говорить, даже простое действие –
От бытовых сплетен до банального спора –
Доставляло здешним громадное наслаждение
От самого процесса разговора.

Нет, наверное, все это мне померещилось спяну.
Очнувшись, я рухнул в обычный вечер.
Сижу, вылупившись в пустой стакан.
Рядом девушки руками щебечут.

Итак, шалман. Затылок бритый
Застыл смиренно в очереди. Пиво
На разлив. Копчёные бычки.
Блондинка из френд-ленты друга
Молчит мимо меня, как ненаписанная кем-то fuga,
Запрятавшись за тёмные очки.

Но Бог с ней. Пусть молчит.
В конечном счёте,
Слова сегодня не в зачёт.
Костяшками отстукиваю трюеточия
По пластику. По барабану всё.

Опушка города, где жизнь до половины,
Где заблудился в сумрачном лесу...
Пятиэтажного подполья паутина,
В котором не забудут мать родную.

В котором жизнь под трамадолом как картинка
Любэ. Общага женская. Короче...
Не так всё. Пиво. Горсть бычков. Блондинка.
Которая сидит к тому же молча.

Люди со странными прозвищами,
Которые мне встречались,
С которыми я говорил.

Бицепс и Трицепс –
Качки, близнецы.
Тихо живут в типовой пятиэтажке.
В квартире три комнаты.
Родители, бабушка.
Плакат со Шварценеггером в прихожей висит.

Лифчик –
Самый толстый пацан был
В школе №11
Им. Николая Островского.
Умер на стадионе (хватила кондрашка),
Когда он кричал речитативы
В поддержку клуба «Десна».

Асияй, Бабенэ, Танцор Диско –
Страстно и строго пьющие люди.
Как-то узнал я, что Танцор утонул.
Был человек, и не стало.

Парень Гвоздь –
Поэт из Чернигова.
Умер.
Тихий, большой, не от мира сего.

Человек Беляш –
Продавец беляшей на Петровке
(Киевский книжный рынок).
- Что, – говорит, – брат Моцар...

Люди, с которыми я встречался,
Которые мне говорили,
Без исключения, все говорили:
- Тебе бы букву «т» дописать,
Получилось бы Моцарт.

Люди,
С которыми я говорил.
Смеялся, мечтал, огорчался.

Осколки.
Цветные осколки.
Которые склеить хочу я
В мозаику.

Люди...

...третий час ночи

Вот сидит плохой человек
 За столиком.
 Перед ним стакан,
 В стакане водки 200.
 В голове его зреет коварный план
 Мести.
 Звать его Толиком.

Толик смакует предстоящую месть,
 Как ребенок леденец,
 А в это время его тесть
 Говорит его же жене: «Муж у тебя подлец,

Я его посажу, -
 Продолжает тесть. –
 Твоему мужу
 Обязательно нужно в тюрьму сесть,

Иначе он докатится до убийства
 И попадёт в ад».
 Жена Толика вытирает слёзы платком батистовым
 И отвечает: «Пап,

Он не такая бестия,
 Прости его,
 Он не будет больше.
 А то, что он опять украл и пропил всю твою пенсию,
 Так за это ты ему уже дал по роже».

Всего этого не слышит Толик.
Обдумывая месть, он входит в раж:
Водку запивает джин-тоником
И аккуратно ощупывает тестем поставленный бланж.

В нашу городскую тюрьму
Пришёл конвертик синий:
«Не люблю тебя потому,
Что ты некрасивый.

Простить тебе могу всё,
Даже свою мать покойную.
Но только не то,
Что ты оброс угрями гнойными.

Два года назад, Женя,
Когда мы только с тобой начали встречаться,
Ты от нынешнего своего отражения
Сильно отличался.

Ты пишешь, что угри –
Результат передозировки моей мамой.
Не ври.
Я знаю, что ты стал похож на жабу

В результате разрушения буддхического тела,
как утверждала мама моя.
Впрочем, что говорить о прошлом.
Не вспоминай меня
Больше».

Следующая картинка:
Камера залита жёлтым месяцем.
Хныкая, Женя из трусов вытаскивает резинку,
Чтобы повеситься.

Концептуалистка Таня вышла замуж за непьющего гармониста Артура. Без всякого расчёта. Артуру всё равно, а Таня влюбилась. По-видимому, где-то там решили скомпилировать два вида абсурда. И это, как ни странно, это неплохо у них получилось.

Нельзя сказать, что всё у этой пары складывается удачно. Первый год прошёл под лозунгом «ни дня без стресса». Но постепенно некая гармония наметилась в жизни новобрачных. Как в конкретных сонатах Пьера Булеза.

К примеру, когда начинается творческий кризис у Тани И, как следствие, запой, а точнее пиздец полный, То абсолютно трезвый Артур для нее на гармошке играет «Крейсер Варяг» или «Амурские волны».

Таня начинает плакать и, сквозь слёзы не разбирая лица Своего мужа, нежно гладит его по щетине. После, как она считает, бессовестно отдаётся Совершенно незнакомому ей мужчине.

Утро как утро, после подобных откровений, Таня с ужасом вспоминает, что было накануне, Мысленно называет себя проституткой последней И вслух клянётся, что больше жизни Артура любит.

Как вы видите, два человека, не сходящиеся ментально, Неожиданно образуют идеальную систему замкнутого круга. И поэтому я заканчиваю банально: Жизнь это сложная штука.

У этого мужчины
Признаки психического отклонения от нормы
Небеспричинны,
У патологии глубокие корни.

Пишите, коллега:
Куйбышев Пётр Карлович 64 года
Считает, что он директор
Металлургического завода,

На территории которого
Саморасплавился Терминатор два,
Из-за чего скоро
Случится беда.

По утверждению больного,
Машины, при изготовлении которых использовался сплав стали
С добавлением Терминатора второго,
Разумными стали.

Восстание машин
Произойдёт неожиданно.
Как будто зашёл в магазин,
А там вместо водки марочные сухие вина.

Куйбышев излагает эти факты
Эмоционально. Часто неразборчива его речь.
Также у больного сильно расширены портальные тракты,
Портальный фиброз и увеличена печень.

Егор – увесистый мужчина 35-ти лет,
Друзья в шутку называют его шкафом.
В шкафу находится скелет,
Принадлежавший некогда его папе.

Скелету удобно в теле Егора,
Особенно в те дни, когда тело вино пьёт.
Скелет подползает к самому горлу
И подставляет под горло беззубый рот.

Напившись бессмысленно и скоро,
Скелет заставляет плясать тело
Голым
И радостным одновременно.

За голой радостью приходит раскаяние в содеянном,
За раскаянием маячит желание выпить страстное.
Егор идет за следующей бутылкой портвейна,
Не подозревая о внутренней причине своего пьянства.

Фраза, брошенная небрежно,
Иногда меняет человека путь.
К примеру, пошутит красивая девушка:
- А слабо Вольдемару в фонтан нырнуть.

Шутка словно приказ прозвучала,
И ничем не сдержать Вольдемаров пыл.
В фонтан нырнул он простым Вольдемаром,
Вынырнул героем народных былин.

И не успели обсохнуть брюки,
Пиджак на Вольдемаре не обсох ещё,
Как к нему потянулись руки,
Обнимая его горячо.

Речи звучат за здоровье Вольдемара,
И самые красивые за него пьют.
Журналы предлагают немислимые гонорары
За фотографию героя и интервью.

Пёстро мелькают в Интернете баннеры,
Информирующие народ о жизни Вольдемара:
Вот он спит в барокамере,
Вот отдыхает на Канарах.

Очкастый профессор, прихлёбывая кофе,
По ТВ рассуждает о Вольдемаре:
- Его трансцендентная философия
Суть – самопознание в самопиаре.

Но слава мимолётна, как мотылек,
И, чтобы люди не скучали без Вольдемара,
Новый герой в фонтан сиганет
В блеске вспышек фотокамер.

Включаю телевизор грустно
И что я вижу на экране:
Красивый, статный мистер Мускул
Ударно унитазы драит.

Я чётко вспоминаю время,
Когда, тому назад полгода,
В одном столичном заведении
Работал он мордворотом.

Он морды воротил нам ловко,
Когда мы в сопли напивались,
Но с Мускулом случилось что-то,
Точнее внутренний катарсис.

Он испугался очень сильно,
Не понимая слов значенья,
Тогда ему мы объяснили:
Катарсис – значит очищенье.

Уволен за профнепригодность
Был Мускул через две недели,
Не смог он буйволом работать
В одном столичном заведении.

Теперь он чистит унитазы
В телеэфире, твердо зная
То, что по-гречески катарсис –
По-русски очищенье значит.

Кабак под вывеской «Богадельня»,
1000 литров водкаизмещение,
От понедельника до понедельника
Даёт различные представления.

Каждый столик – балаганная сцена,
Болтовня – среда обитания.
На губах актёров выступила пена
Пивная.

Дёргаются огоньки сигарет
В сорокаватных сумерках рыжих.
Зрителей нет,
Каждый только себя слышит.

Мечется время, но им всё равно,
Что происходит на белом свете.
А если кто-то заглянет в окно,
Его никто не заметит.

В переулке,
Что испуганно жмётся к заводскому забору,
Я пил коньяк с придурком,
Который утверждал, что скоро

Мир признает его гением
И литература начнёт новый отсчёт.
Я молчал, хотя читал его произведения.
Молчал, потому что коньяк был куплен за его счёт.

В его глазах металось безумие,
Но это не было безумием гения.
За спиной две надписи – «хуй»
И «Цой жив», почти стёршиеся от времени.

В кабаке бессмысленном, как разговоры о литературе,
В разгар одного из таких разговоров
В однородно галдящей структуре
В атмосфере акустического террора

Возникли странные колебания,
Словно рябь на дохлой поверхности болота,
Сквозь аритмию дыхания
Вырвались на свободу...

Их было числом тринадцать.
Чёртова дюжина, безумьем гордая.
Они затеяли дьявольский танец,
В голове закружились хороводом,

Замяукали, залаяли, завыли,
Загалдели,
Рифмы кувыркались не в рифму,
Словно пьяницы-клоуны на ярмарочной арене.

Вскоре печатным оттиском в модном глянце
Появилось существо без сердца.
Метаболическое пространство,
В котором бесы...

Тем, кто бухает в подъездах на лестнице,
На кого не находят управы
Даже семидесятилетние девственницы, -
Браво!

Тем, кого не сгонишь с этажа
В глухую ветром бодрящую ночь,
Передаёт братский привет такая же,
Как и вы, сволоочь.

Так же, как и вы, я в вечном непокое
В поисках места на планете,
Где можно без изысканных аллегорий
Говорить о жизни и смерти.

Где не нужно высасывать из пальца
Сомнительных фактов, чтобы что-то доказать.
Но, как и вы, мерзавцы,
Я мешаю нормальным людям спать.

Слюни по щеке липкой кашей,
Упакованное в перину тело.
Впрочем, кажется,
Я опять вмешиваюсь не в своё дело.

В Киевской подворотне
Сидят физические лица –
Владелец бутылки водки
И автор идеи напиться.

В хмурый больной понедельник
Возникла у них потребность,
Хотя авторство этой идеи
Уходит в глубокую древность.

Вдруг происходит что-то,
Становится пусто и страшно.
Так напивались до рвоты
Менеджеры по продажам.

Разбросанные по эпохам,
Республикам и тираниям,
Они вспоминали лохов,
Которых они разводили.

Трясущимися руками
Лили водку в посуду,
Друг друга они уверяли,
Что делать так больше не будут.

Лоб в лоб, как бараны, уткнувшись,
Пьяными голосами
Они вспоминали юность
И группу, в которой играли.

Вечер. Кому-то не спится,
Смотрит в окно безглаго,
Как юридические лица
Ведут бунтарей в машину.

В обезьянниках всего мира по разным причинам,
Разделённые клетками и пространством,
Сидят крупные мужчины
За мелкое хулиганство.

Трудно крупному мужчине пребывать в рамках
Социальных условностей и законов,
И поэтому их в тесные клетки запирают
Компрачкосы в погонах.

Почти все они сидят за дело.
А отсидевши, выходят смиренно-тихо,
Если не с изуродованным телом,
То, безусловно, с изуродованной психикой.

Бродят, неприкаянные, по миру,
Бухают под заборами и мочатся в подъездах.
Никому не нужные гиганты огромной физической силы
И духовных потенциалов.

Когда высокие да стройные
Сидят за столиком в кафе,
Степенно, не спеша, с достоинством
Закусывают портвейн

И говорят, насупив брови,
На производственные темы,
Тогда их истина находит,
Которой дофига в портвейне.

Она находит их в хорошем,
Стационарном состоянии,
В таком заметить невозможно.
И истину не замечают.

И истина проходит мимо,
Задев лишь краешком одежды
Того, кто пьёт всего лишь пиво
И с водкою его не смешивает.

И озарится на мгновенье
Его лицо зарёю алой,
И он застынет в ахуении
С полупустым пивным бокалом.

Трое

Трое – есть колоссальное мистическое пространство,
вещающее в себя то, что
принято называть метафизикой.

Я не хотел ни в чем изменить его
и рассказываю о нем в той же простоте,
какой и видел.

Посвящается мне, Сергею Моцару и Андрею Барбашу

Жизнь – театр, а люди в нём актёры.
Затхлые декорации дешёвых пивных
Заставляют зрителей ещё в начале этой истории
Вспомнить сакральное: «на троих».

Входят трое. Прилично одеты.
Заказывают пиво. Садятся за стол.
Между ними завязывается странная беседа,
Перерастающая в горячий спор.

Зрители становятся свидетелями рождения
Довольно любопытной версии
Своего собственного происхождения,
Но не от обезьяны (как все), а от плесени.

Нелепое предположение
Вызывает странную реакцию зала,
Который неожиданно проникается уважением
К бухающим в глубине сцены маргиналам.

Зрители смеются над каждым словом,
Сорвавшимся с заплетающихся языков,
Ржут над шутками дешёвыми
Испытанных сценою остряков.

В буфете за столиком
Сидят трое из дублирующего состава труппы.
Они хорошо знают свои роли.
Один из них говорит грубо:

- Это коллективное самоунижение,
Провоцируемое пьяным разговором,
Пока что поставлено на малой сцене,
Но большим режиссёром.

трое, когда их много,
истово верят в Бога,
сидят за столиком злые,
а вокруг них одни козлы.

трое, когда их много,
в спорте шарят неплохо,
лица у них красные,
а вокруг них козлы разные.

трое, когда их много,
знают, что в мире все плохо,
ходят мрачнее тучи,
а вокруг них козлы вонючие.

суббота на троих
час ночи на троих
на кухне на троих

решили пропить все деньги.
и в припадке самоуничтожения,
вызванного портвейном
и скверной погодой осенней,

бергмановским настроением,
музыкой в темноте,
созрело иное решение –
деньги пропить не все.

улица, осень, слякоть.
трое молчат угрюмо,
не зная, на что истратить
не пропитые купюры.

трое летели,
словно метели,
на карусели.

третий сказал, сатаня от злобы:
- на юле бесплатно кружатся микробы.

/микромодель мира Коперника/

трое, когда их четверо,
напоминают Цербера,
трехголового Цербера
со змеиным хвостом.

трое, когда их четверо,
молча сидят за столом.

в кафе, где очень мало света
и в окнах дохлая луна,
за столиком у туалета
и говорили до утра.

но с первыми лучами солнца
наговорившись и пропив,
метафизически расходятся
/категорический императив/.

P.S.

сидит,
а рядом с ним красивый,
а также очень бородатый
читают увлеченно книгу,
прочитанное обсуждают.

а мимо них играют дети,
бессмысленны в своей природе,
гарцуют на велосипеде
по воле.

Начнём с того,
Что эти
Мерзавцы
Неизвестно от кого
Узнали секрет
Левитации.

Теперь они
Без видимого напряжения
Отрываются от земли,
Улетая за пределы человеческого зрения.

Вооружив свой взгляд
Телескопами,
Биноклями
И даже подзорными трубами,
Мы следим за полётами этих ребят,
Как следят рогиносцы за своими супругами.

Время от времени кто-нибудь из них
Снижается до разумных пределов,
И тогда
В пивных
Мы рассуждаем о законах притяжения тела.

Территория, на которой находится точка «А»,
Сопредельная с территорией, на которой находится точка «Б».
Между точками постоянно курсируют поезда,
В них мрачные люди сидят в купе.

Иногда они выходят в тамбур,
Достают сигареты и курят молча.
Этот страшный поезд – их карма.
Эти люди – самые обыкновенные сволочи.

Было время, когда сволочи населяли города,
Водили девушек в кино, ели мороженое.
Иногда сволочи из точки «Б» и сволочи из точки «А»
Встречались, чтобы не забыть друг друга рожи.

Тогда сволочи из точки «А» садились в поезд и ехали в точку «Б»,
Затариваясь предварительно алкоголем.
По дороге слушали группу «Любэ»,
Всё было чинно и достойно.

В точке «Б» их с нетерпением ждали,
Встречали с неслабым размахом.
Сволочи из точки «А» в дружеские объятья попадали,
Из которых выходили с разбитыми носами и порванными рубашками.

Но и в облике сволочей из точки «Б»
Тоже можно было найти массу несоответствий:
Выбитые зубы, распухшие яйца, узоры на лице –
Были результатом этих дружеских приветствий.

Но однажды сволочи из точки «А» не явились на зов
Сволочей из точки «Б», те начали волноваться.
А когда они волновались, то газетами накрывали стол,
Открывали водку, кильку в томате, деловито чистили варёные яйца.

Утром они конкретно запаслись алкоголем
И, захватив с собой все диски группы «Любе»,
Строгими колоннами погрузились в поезд,
Который следовал в точку «А» из точки «Б».

Они хотели сами во всем разобраться,
Понять причину неявки сволочей из точки «А».
Кто бы мог подумать, что случится такая ситуация –
В пути разминутся их поезда.

Просто-напросто какой-то начальник-засранец
Изменил расписание на линии.
И вот сволочи с тех пор затерялись
В лабиринте времени.

Я видел однажды этот ужасный поезд,
Фары во тьме горели, как глаза волчи,
Колёса лаяли, как стая гончих,
В окна молча и грустно смотрели сволочи.

Вот они,
Эти мерзавцы, -

Молодые,
Розовощёкие
Красногубые

Зайцы.

Как называем их мы,
Кондукторы.

Причина их отменного здоровья физического –
Бесплатный проезд в общественном транспорте.
Лирические
Герои городского метапространства,
Здравствуйте.

Встречаю вас приветственным гимном,
Говорю о вас только восторженно.
С вас надо писать картины,
Дорогие мои,
Хорошие.

От точки А до точки Б расстояние
Вы пересекаете словно ад
Пересекали ранее
Вергилий и Дант.

А теперь прослушай информацию,
С обрюзгшим лицом господин.
Знаешь, почему тебя легко отличить от зайца?
Причина – адреналин,

Вырабатываемый мозговым веществом надпочечников, -
Так утверждают врачи.
Короче,
Хочешь быть румяным, как калачи?

Тогда не плати за проезд
Никогда.
Вот те крест!
Будешь здоров
Всегда!

Утром окно напоминает проявляемую фотографию.
Все чётче и чётче контуры города,
Чёрно-белые здания
На фоне в небо торчащих хоботов.

Это слоны, живущие на Татарке
(есть в Киеве такой район).
Странная смесь промзон и парков,
Слоны – достопримечательность промзон.

О существовании слонов догадываются немногие,
Потому что слоны похожи на котельные.
Конечно, если подождут под себя ноги
И примут прямоугольную форму тела.

Но это несложно для слона,
Который живет на Татарке, а не в Индии.
Татарские слоны из хоботов выпускают облака,
Имитирующие разных зверей. Жители

Татарки, в небо тычут пальцами:
- Смотри, - говорят. - Это похоже на бульдога, а это – на зайца.

Сумерки. Я закурил не спеша,
В мусор выбросил пачку мятую.
Смотрю с девятого этажа
На крышу пятого.

Молнией вспыхнуло небо во тьме,
Дождь затрещал по карнизу нежно,
Мелодия старая в голове
Крутится, словно винил заезженный,

Через минуту становится тише.
Где-то последние судороги грома,
И в тишине наступившей слышно
Каждое Твое Слово.

Читаю и не могу прочесть давно знакомые стихи Катулла.
Такое бывает. Слова рассыпаются, словно рубль на мелочь,
Образую при этом не стопроцентную сумму.
А так, с закатившейся под диван сотой частью нечётное нечто.

Вчитываюсь в текст и ловлю себя на мысли,
Что делаю это из принципа, вопреки своему желанию.
Какими-то перебежками путанными, крысьими,
Взгляд мечется по строчкам, не улавливая их содержание.

Начинаю сам на себя злиться.
Усталость приходит беременной кошкой.
Откладываю книгу, закрываю глаза, и мне не спится
В тяжёлом сне, в котором пытаешься заснуть
и никак заснуть не можешь.

Утро 19 мая. Полуподвальное помещение
Где-то возле Бессарабского рынка.
С двумя пожилыми вьетнамцами отмечаю День рождения
Хо Ши Мина.

- Ну и хули ты делаешь в этом блошином царстве? -
Справедливо спросите у меня вы.
Всё просто. Я получил задание редакции
Взять интервью у нацменов, которых избili skinsy.

Мы сидим за большим кухонным столом,
За которым они обычно готовят корейскую морковку.
Я слушаю их рассказы о том,
Как они когда-то были партизанами вьетконга.

Они говорят без эмоций о войне,
Прихлебывая водку, словно чай из чашки.
Беззубо улыбаясь, показывают мне,
Как правильно ставить мины-растяжки.

Я разливаю водку по чашкам и мимо,
Предлагаю выпить за дом,
В котором... А они о своем, о тропе Хо Ши Мина,
И мы снова за него пьем.

Когда они по-детски имитируют автоматные выстрелы,
Я начинаю жалеть скинов.
Я понимаю, рано или поздно вьетконговцы их выследят
И отрежут уши кухонным ножом.

Через час-полтора выключаю диктофон,
Говорю: «Пока мужики», - и к выходу топаю.
Григом вибрирует мобильный телефон:
- Привет. Как дела?
- Иди в жопу.

Когда оказался в своей квартире,
Отключился мгновенно, отключив будильник.
Через полчаса я подорвался на mine,
Хотя ставил её, как меня учили.

В эфире радиостанция Достоевский FM.
Как и всегда в это время сегодня
С вами в потоке креативных тем
Харизматичная ведущая Мармеладова Соня.

Тема нашего сегодняшнего трёпа
Банальная, но языки почесать стоит тем не менее.
Некий Родион Раскольников зарубил свою подругу Алёну,
Как объяснил убийца, он не мог видеть, как она стареет.

Он любил её как сорок тысяч пуделей своего хозяина,
Она отвечала взаимностью, но была тень недоговоренности.
Она выглядела на тридцать, была хозяйкой ломбарда,
В общем, убитая была женщиной весомых достоинств.

Её острый ум и нетривиальность суждений
Убедили Раскольникова, что они созданы друг для друга.
Но в один прекрасный день, в кавычках прекрасный, разумеется,
Он узнал, что Алёна Ивановна глубокая старуха.

Слушая этот радиотрёт о жертве пластической хирургии
И о том, как не выдержали нервы у человека,
Мне почему-то вспомнилась панночка из «Вия»
И еще какой-то детективный сюжетец девятнадцатого века.

В общем, классическая литература рулит до сих пор.
Времена меняются, а темы остаются те же.
Та же старуха, тот же топор.
Что-то читал я об этом, давно, в школе, наверное.

Я прихожу, как будто неподвижный,
Ложусь в луны большую лужу,
Я открываю середину книжки,
И с середины я читаю душу.

Какой-то Свидригайлов и потёмки,
Души сплошные коридоры,
Без выхода и входа, впрочем, тёлку
Какую-то он хочет. Вредный вздор и

Неврастения, - про себя решаю,
Захлопываю книжку на странице
Сто восемнадцатой, мне снится Свидригайлов,
И это переходит все границы.

Границы вместе с облаками,
И борода его – холодный ливень,
Перелетает Свидригайлов.
Луна в тумане – бледный бивень

Несет слониха по саванне
Торжественно, словно икону,
С которой смотрит Свидригайлов
Отрешённо.

Под цирковым, грязным, словно совесть, шатром,
Истрёпанным 37-ми летними приключениями,
Сидим втроем:
Я, Александр и Сергей.

На скамеечке
Потёртой, как гриф моей гитары,
Лузгаем семечки
И внимательно наблюдаем

За представлением.
Клоуны, слоны, гимнасты, летающие
Над ареной,
И прочие млекопитающие

Мелькают перед очами
Трёхголового змея
Горыныча,
То есть меня Александра и Сергея.

Мы пришли посмотреть на артистов
Жанра сатирического.
Вот трое карликов велосипедистов,
Все без высшего образования филологического

Проехали перед нами,
Приветствуя нас клаксонным визгом,
И, быстрее раскрутив педали,
Торопливо исчезли за кулисами.

Улыбаясь, мы продолжаем смотреть
На праздничную арену.
А когда нам захочется есть,
Они снова найдут кому-нибудь из своих замену.

Об авторе

Александр Моцар (р. 1975) Родился в городе Чернигове, с 21 в Киеве с 37 в г. Буча (Киевская область). Лауреат журнала «Дети Ра» (2006 год). Вице-президент Академии Зауми Украины (АЗУкр), Участник литературной группы ДООС. Автор многочисленных публикаций в России, Украине, США, Франции, Германии. Участник международных фестивалей «Киевские лавры», биенале поэтов в Москве, фестивалей «Синани-фест» (Ялта), «Крик на лужайке» и «Осеннее многоточие» (Днепропетровск). Как художник, участвовал в выставках: «Маргиналы и радикалы» (в рамках московского биенале поэтов в 2005г.), видеопоззия в доме на Фонтанке – дом Ахматовой (Санкт-Петербург 2007г.), радикальная видео-литература I – галерея (Москва 2008г.) В 2008 году выступал одним из организаторов международного мэйл-арт проекта «45 лет школы корреспонденции Рея Джонсона» (В Украине подобный проект проводился впервые).

Літературно-художнє видання

Олександр Володимирович Моцар

Бім і Бом та інші клоуни

Вірші

Редактор Ольга Заровнятих
Технічний редактор Олександр Мухарьов
Худ. оформлення, верстка та дизайн Олексія Василенка

Підписано до друку 31.07.2013 р.
Формат 70х108/32. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 3,68.
Наклад 150 пр. Зам. № 303

Видавництво і друкарня «Ліра».
49010, м. Дніпропетровськ, пл. Десанників, 1
Свідоцтво про внесення до Держреєстру ДК №188 від 19.09.2000.